

Научная статья
УДК 340.1
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/146-155>

Пробелы и коллизии в праве эпохи цифровых технологий

Мордовцева Татьяна Васильевна

Таганрогский институт управления и экономики
Таганрог. Россия

Полякова Евгения Викторовна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** Статья посвящена изучению трансформации права в эпоху цифровых технологий и перехода к нетипичным формам правоотношений. Предметом исследования выступают коллизии и пробелы, возникающие в результате применения норм позитивного права в сфере регулирования цифрового порядка общественных отношений. Цель исследования определяется необходимостью разрешения сложившегося противоречия между отраслевым подходом к пониманию цифрового права и толкованием его в качестве новой методологии правообразования и правореализации. На основе общенаучных методов анализа, синтеза, сравнения и объяснения были получены основные дедуктивные выводы о неизбежности перехода системы традиционного права в цифровое измерение реальности, лишенной пространственной и территориальной локализации, в которой правовая норма утрачивает свою субъект-объектную направленность и расширяется вплоть до толкования ее как ситуации коммуникативного взаимодействия или обмена данными. Применение научного метода форсайта описывает возможный сценарий будущего статуса цифрового права, регулирующего отношения между квазисубъектами, наделенными разными типами интеллекта – искусственного и естественного. Основные результаты и выводы, полученные в ходе исследования и характеризующие его новизну, заключаются в следующем: во-первых, обоснован междисциплинарный статус цифрового права как нового вида нормативности, регулирующего отношения с нетипичными субъектами и объектами технологической сферы; во-вторых, показана трансформация права во взаимосвязи с изменениями в структуре сознания личности, деперсонификации связей и отношений в условиях виртуальных коммуникаций; в-третьих, выявлено перманентное свойство коллизионности и пробельности нормативного (писаного) права при его переходе к цифровому формату регулирования неприродных, искусственных продуктов когнитивной деятельности машин. Область применения полученных результатов определяется рамками теоретико-правового знания, практикой создания условий для технологической суверенизации России.*

***Ключевые слова:** цифровое право, позитивное право, пробелы, коллизии, искусственный интеллект, цифровые технологии.*

***Для цитирования:** Мордовцева Т.В., Полякова Е.В. Пробелы и коллизии в праве эпохи цифровых технологий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 146–155. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/146-155>*

© Мордовцева Т.В., 2024

© Полякова Е.В., 2024

Original article

Gaps and conflicts of law in the digital age

Tatyana V. Mordovtseva

Taganrog Institute of Management and Economics
Taganrog, Russia

Evgenia V. Polyakova

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

Abstract. *The article is devoted to the study of the transformation of law in the era of digital technologies and the transition to atypical forms of legal relations. The subject of the research is the collisions and gaps that arise as a result of the application of the norms of positive law in the field of regulation of the digital order of social relations. The purpose of the study is determined by the need to resolve the existing contradiction between the sectoral approach to the understanding of digital law and its interpretation as a new methodology of law formation and law enforcement. On the basis of general scientific methods of analysis, synthesis, comparison and explanation, the main deductive conclusions were obtained about the inevitability of the transition of the system of traditional law to the digital dimension of reality, devoid of spatial and territorial localization, in which the legal norm loses its subject-object orientation and expands to the point of interpreting it as a situation of communicative interaction or data exchange. The application of the scientific foresight method describes a possible scenario for the future status of digital law that regulates relations between quasi-entities endowed with different types of intelligence – artificial and natural. The main results and conclusions obtained in the course of the study and characterizing its novelty are as follows: firstly, the interdisciplinary status of digital law as a new type of normativity regulating relations with atypical subjects and objects of the technological sphere is substantiated, secondly, the transformation of law in relation to changes in the structure of personal consciousness, the depersonalization of connections and relations in the context of virtual communications is shown, thirdly, the permanent the property of conflict and gap of normative (written) law during its transition to a digital format of regulation of non-natural, artificial products of cognitive activity of machines. The field of application of the obtained results is determined by the framework of theoretical and legal knowledge, the practice of creating conditions for the technological sovereignty of Russia.*

Keywords: *digital law, positive law, gaps, collisions, artificial intelligence, digital technologies.*

For citation: *Mordovtseva T.V., Polyakova E.V. Gaps and conflicts of law in the digital age // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 146–155. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/146-155>*

Введение

Обоснование актуальности темы исследования. Трансформация права в эпоху цифровизации стала продолжением более глубоких и устойчивых процессов, затрагивающих человеческое бытие и сознание в целом. Тот технологический прорыв, который мы наблюдаем в последнюю четверть века, запустил необратимый процесс изменений всех общественных систем и отношений, которые, как это ни странно, сами оказались не готовы к столь стремительному обновлению устоявшихся институциональных связей и регулятивов. Еще не окрепла и не сложилась академическая традиция толкования цифрового права в системе общего права, как уже исследователи вынужденно констатируют постепенную утрату правом своей главной функции регулятора общественных отношений в условиях прорывных технологий [1]. Позитивное (писаное) право не просто не успевает за темпом технологических изменений, оно вообще остается

в стороне от множества явлений цифровой жизни общества, в которых мы уже находимся, но в отношении которых не закреплена ни одна правовая норма.

Соответственно, перед академической наукой в целом и в рамках настоящего исследования в частности возникает необходимость комплексного анализа происходящих трансформаций в праве, возникших в результате перехода общества к цифровой модели развития, что определяет *цель работы и ее задачи*: во-первых, концептуализировать описание цифровых трансформаций правовой реальности и правовой системы в условиях возрастающей неопределенности права и нестабильности закона; во-вторых, раскрыть причину пробелов и коллизий в праве, вызванных процессами цифровизации общественных отношений и связей; в-третьих, выявить основные подходы к пониманию пробелов и коллизий в праве на актуальном уровне развития технологий и общественного прогресса; в-четвертых, определить настоящую роль и перспективы внедрения искусственного интеллекта в юридическую технику, правотворчество и практики правоприменения.

Постановка проблемы. Право и закон, начиная с Римской республики и вплоть до настоящего времени, имели физическую ось своего распространения, определенную юрисдикцией государства, национальной системой права, международным законодательством. Пространственно-временная природа права, заключенная в том, что закон всегда распространяется на субъектов правоотношений, находящихся в условиях конкретного места и времени, в цифровой действительности перестает работать. В технологической сфере, где господствующее положение постепенно занимает не человек, а «призрак» коллективного сознания – искусственный интеллект, не нуждающийся в плоскости физических координат, «право людей» отмирает: перед искусственным интеллектом человеческий индивид предстает как средство обмена данными, в которые по большому счету уже включена не конкретная личность, а ее цифровой двойник. В цифровом праве постепенно происходит смена гравитационного полюса, исключая роль субъекта и объекта в их привычном понимании, нивелирующая социальную природу отношений и устанавливающая вместо них принцип связи контентов. Поэтому перед теоретиками права постепенно возникает непреодолимая проблема – выявить и описать механизм перехода права в новое цифровое измерение, в котором вместо традиционного субъекта появляется новый цифровой участник, созданный человеческим разумом, что не может не породить огромный комплекс пробелов и коллизий [2].

Научные предположения. В настоящее время мы наблюдаем процесс становления и развития новых цифровых сфер правового регулирования тех общественных отношений, которые синхронизируют позитивное и цифровое право, сохраняя за ним его регулирующую функцию, поэтому пробелы в основном вызваны необходимостью дополнить действующие нормы новыми формулировками, но не отменить их вовсе, а возникающие коллизии разрешить с помощью традиционного механизма. Такая попытка сгладить противоречие между двумя формами права (традиционной и цифровой) обусловлена динамической ролью правового мышления, остающегося пока в пределах парадигмы классического

правотворчества и правоприменения. Как утверждает П.П. Баранов, «Говорить о цифровом праве (не в значении соответствующей и только формирующейся отрасли права), как и о цифровом правосознании, как о новых самодостаточных институциональных образованиях, явно преждевременно» [3, с. 29].

Тем не менее процессы цифровизации всех видов общественных отношений и связей идут чрезвычайно стремительно и надеяться на то, что данный технологический прорыв станет менее интенсивным, невозможно, поэтому уже сейчас необходимо начать переосмысление самого предмета и объектов правовой науки и практики. Принципиальная пробельность двух форм права – цифровой и традиционной – заключается в невозможности определить правовой статус большинства цифровых «продуктов» теми средствами, которыми располагает позитивное право, ориентированное на закрепление интересов субъектов правоотношений. Как отмечает В.Н. Синюков: «Чтобы увидеть структурные процессы в праве, необходимо сделать технологии предметом правового регулирования на основе взаимодействия людей и объектов неживой природы. Человекоцентризм права эволюционирует в сторону техноцентризма, не утрачивая приоритета человеческого по отношению к технико-материальным объектам» [4, с. 12]. Очевидно, что позитивное право перестает ограничиваться исключительно сферой «чистого долженствования» и выходит в область нормативности технологий, которые уже создают пространство, объединяющее прежних субъектов правоотношений и нетипичных объектов неживой природы. Поэтому будущая система права, действующая с учетом цифровых закономерностей, окажется регулятором не только общественных отношений, но и процессов неживой природы, в число которых попадет искусственный интеллект.

Методология юридического исследования опирается на систему общенаучных методов, среди которых всегда применяются логический анализ и синтез, сравнение, описание и объяснение, при этом выводы получают дедуктивным способом. В части специальных методов юридические исследования проводятся в соответствии с той общетеоретической концепцией, на которой создаются аргументация и доказательства при достижении поставленных целей и задач. Поскольку в данном исследовании предметная область определяется концептом «цифровых технологий», то выбор информационного подхода обусловлен именно этой категорией междисциплинарного знания.

Информационный подход в качестве методологии юридического исследования реализуется в совокупности методов системного анализа, применимых, в частности, для изучения слабоструктурированных задач, таких как выявление причин пробелов и коллизий в праве, установление факторов возрастающей неопределенности права, прогнозирование рисков внедрения искусственного интеллекта в юридическую технику, правотворчество и практику правоприменения. При этом универсальность метода системного анализа в ходе представленного исследования была обусловлена возможностью структурировать логические элементы процесса цифровизации права на макроуровне как типа правовой культуры и правового порядка и микроуровне как технологии внедрения машинночитаемых текстов для их последующей обработки и тиражирования.

Применение информационного подхода и соответствующего ему метода системного анализа для описания социальных систем и социальных отношений, обусловленных цифровой трансформацией права, выдвигает на первый план изучения те аспекты проблемы, которые существенным образом влияют на ее состояние и развитие. В частности, в настоящей работе это демонстрируют утверждения о появлении новых сетевых способов кодирования, распознавания, осознания содержания правовых норм, о формировании ответного действия и выработке решения при обнаружении пробелов и коллизий, вызванных несоответствием норм позитивного права и права цифрового.

Дополнительным методом юридической оценки рисков и угроз цифровой трансформации права стал принцип сравнения проактивного и реактивного права в условиях неопределенности развития национальных правовых систем.

Основная часть

Пробелы и коллизии в праве как проблема теории права, связанная с изменениями в общественном сознании, правовой культуре и правовом порядке, подлежат комплексной оценке в свете социокультурной динамики [5]. В российской и зарубежной науке [6] такой подход уступает место нормативному, в рамках которого пробелы относятся к несовершенству отраслевого функционирования права. На эту особенность отличительных признаков природы пробелов и коллизий в праве обращает внимание Д.А. Пашенцев, отмечая, что «исследование пробелов в праве в условиях цифровизации имеет в основном два блока. Первый из них представляет собой то теоретическое знание, которое накоплено в юридической доктрине применительно к пробелам в праве. Второй блок связан непосредственно с цифровизацией, с осмыслением ее влияния на правовую сферу общества» [7, с. 33]. Сторонники нормативизма в качестве природы возникновения пробелов, прежде всего, понимают «пустоты» в законодательстве, тогда как сторонники естественно-правовой теории сопоставляют имеющиеся нормы с их идеальными образами, запечатленными в ментальности и правовой культуре общества, поэтому в их понимании пробелы – это несоответствия идеального и реального. Поскольку позитивное и естественное никогда не совпадают, то пробелы, по мнению сторонников каждой из сторон, неизбежны. Для представителей социологии права природа пробелов вызвана несформированностью такого общественного типа поведения, который соответствовал бы действующей норме, поэтому возникает разрыв и часть норм не применяется на практике, что и обуславливает коллизионность.

Наконец, в цифровом измерении правовой действительности отношение к природе пробелов и коллизий совершенно другое. Сторонники теории цифровой трансформации общества признают, что появляются такие типы общественных отношений, которые на данном этапе развития позитивного права не могут быть урегулированы в полном объеме [8]. Поэтому, по их мнению, цифровой механизм конструирования общественных отношений дает «сбой». Сам механизм оказывается несвоевременным и тяжеловесным, не успевающим за стремительными трансформациями. В итоге законотворчество приобретает «догоняющий» характер при низком уровне стабильности законов, а разрыв с практикой умножает коллизии и пробелы.

Одним из способов преодоления данного типа пробельности и коллизионности права в эпоху стремительной трансформации является создание принципиально нового цифрового закона, риски которого пока очень велики [9]. Кроме того, любая попытка уже сейчас спроектировать новый правовой механизм сталкивается с социокультурными противоречиями, вызванными несоответствием новых и старых моральных императивов, поскольку уже сформировалась и новая система ценностей для тех общественных отношений, которых ранее не было, например право на цифровую свободу или на цифровое забвение.

Еще одной причиной нарастающей коллизионности и неопределенности права является сетевая коммуникация, которая формирует новый тип субъектности правоотношений, связанный с переходом от персональной идентичности к сетевому или цифровому «двойнику». Соответственно, цифровизация как новый этап в развитии человеческого общества меняет и человека, и опосредующие его связи, отношения, при которых «старое» мгновенно отмирает; его невозможно оптимизировать или модернизировать, от него возможно только отказаться взамен «нового».

В исследовании М.В. Залоило [9] указывается на то, что в ходе цифровой трансформации общества возрастает законотворческая сингулярность, в результате которой законодатель, будучи носителем естественного разума, имеющего погрешности и ограничения, в сравнении с искусственным интеллектом может оказаться неспособным понять сложившиеся отношения и технологии, что приведет к технологическому сценарию будущего, не подконтрольного человеку.

В настоящее время в силу технологического «несовершенства» искусственного интеллекта его роль опосредована полным контролем со стороны человека и одним из важных направлений его применения является преодоление нормативной пробельности в праве на различных уровнях. Достижение этой технологической цели требует подготовки цифрового «языка» для всех нормативно-правовых актов, что, в частности, выражается в реализации государственных программ по систематизации законодательства в РФ [10]. Перевод всей нормативной базы в машиночитаемый текст позволит искусственному интеллекту выявить и, вероятно, исправить имеющиеся противоречия в нормах, пробелы и коллизии [11]. В этом плане цифровизация выступает удобной технологией, выполняющей вспомогательную роль для человека.

Как считает М.В. Залоило, «В дальнейшем развитие машиночитаемого права может привести к его преобладанию в законодательном массиве над нормами, изложенными на естественном языке» [7, с. 86]. Это, с одной стороны, значительно усовершенствует юридическую технику составления нормативных правовых актов и оптимизирует механизм правового регулирования, но, с другой стороны, существует риск полной смены парадигмы правотворческого процесса, при которой искусственный интеллект станет полноправным субъектом правотворчества, наделенным способностью к самообучению и самосовершенствованию, в результате чего он сможет не только конструировать правовые нормы, необходимые для исполнения человеком, но и создаст собственный правовой язык и правовую реальность с неопределенным для человека итогом. Таким

образом, возникает разрыв между «правом человека» и «машинным правом» вплоть до возникновения таких машиночитаемых норм, которые будут непонятны даже их непосредственному адресату (человеку). Если же искусственный интеллект подчинит себе не только правотворческий процесс, но и правоприменительный, то человек окончательно лишится возможности самостоятельно принимать решения.

Одним из примеров перманентной пробельности и коллизионности позитивного права в условиях цифровизации является неопределенность отраслевого статуса цифрового права, которая согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [12] определяется как часть цифровой экономики государства. Кроме того, большинство действующих в России кодексов содержат нормы, регулирующие применение информационных технологий и сети Интернет. В частности, нормы цифрового права содержатся в действующих АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ (например, нормы о порядке организации веб-конференции). В ГК РФ есть нормы о порядке заключения договоров в электронной форме. В действующем УК РФ предусмотрена ответственность за киберпреступления. В этой связи интерес представляет попытка объединения и интеграции правового регулирования цифровой среды в рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» [13]. В этом документе активно обсуждается вопрос о возможности и целесообразности рассмотрения цифрового права как самостоятельной правовой отрасли или межотраслевого института, но они оба имеют свои недостатки. Цифровое право не имеет необходимого отраслевого признака – наличие собственного самостоятельного предмета правового регулирования, который отсутствовал бы в иных отраслях.

По этому поводу В.Н. Синюков замечает, что цифровое право, скорее всего, является нормативным правовым механизмом, реализующимся в пространстве цифровой коммуникации субъектов, которые сами определяют для себя границы отношений: для них цифровое право превращается в форму структуризации регулятивного материала [4]. Кроме того, в отличие от других отраслей права цифровое право имеет междисциплинарную природу, обладающую техническим и юридическим измерениями; «оно перемешивает нормы и институты различной отраслевой природы, изменяя структуру права в классических правоотношениях» [4, с. 13, 14]. Поэтому цифровое право соединяет неправовые регуляторы, которые при определенных условиях приобретают правовое качество в тех сферах, которые раньше им не регулировались.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Начавшаяся цифровая трансформация системы права, превосходящая цель регулирования цифровых технологий, постепенно приведет к появлению новой методологии правообразования и правореализации, где техника и технологии станут ее предметом, а представление о норме расширится вплоть до понимания ее как ситуации – скорости передачи информации в определенных условиях пространственной контекстуальности.

2. Попытка выстроить правовой механизм преодоления пробелов и коллизий в праве может быть отчасти успешной лишь в пределах устаревающего традиционного нормативного подхода, в сфере регулирования тех отношений, которые еще не попали под полный цифровой передел, но с переходом к цифровой правовой реальности устранение или восполнение пробелов практически невозможно; для разрешения сложившихся противоречий требуется иная правовая культура, иная правовая нормативность.

3. В эпоху цифровизации нормативное право обречено на перманентную пробельность и коллизионность, которые могут быть преодолены лишь коренным преобразованием структуры правового регулирования, путем отказа от традиционного механизма правотворчества и правоприменения, через уход от узкого толкования нормы как правила. Право цифровой реальности поставит в состояние острого противоречия, диссонанса и неопределенности взаимоотношения человеческого разума и искусственного интеллекта, навсегда преодолев пространственно-временную, территориальную и национальную замкнутость нормообразования.

4. Применение технологий искусственного интеллекта – это принципиально иной переход к трансформации цифрового общества, в котором сознание человека может полностью или частично подчиниться власти (насилию) программ. Проблема заключается именно в аутентичности сознания человека, которое в настоящее время образовано на основе отражения реалистической картины мира. Если сознание человека будет отражать цифровую копию этого мира, то оно уже не будет прежним, а вместе с изменением сознания полностью поменяется человек. Цифровая реальность станет матрицей отождествления де-персонифицированного «Я». Самосознание цифровой личности, как и ее правовое мышление, будет задано технологическими параметрами, а значит, технологии, но не право станут главным регулятором отношений.

Список источников

1. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2020. 432 с.
2. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. Москва, 2022. 472 с.
3. Баранов П.П. Методологические проблемы правосознания в эпоху правовой цифровизации // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (44), № 4. С. 26–41.
4. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2019. № 9 (154). С. 9–18.
5. Исаев И.А. «Пробелы в праве» как элемент правовой культуры // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2.
6. Лазарев В.В. Вопросы происхождения пробелов в праве // Избранные труды: в 3 т. Москва, 2010. Т. 2.
7. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. Москва, 2022.
8. Трунцевский Ю.В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 49–67.

9. Залоило М.В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27–49.
10. Концепция развития технологий машиночитаемого права: утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15.09.2021 № 31) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (дата обращения: 13.02.2024).
11. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в RegTech, содержание, онтология и перспективы // *International Journal of Open Information Technologies*. 2020. Vol. 8, № 9. С. 59–69.
12. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102431687> (дата обращения: 13.02.2024).
13. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»: утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 28.05.2019 № 9). URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-normativnoe-regulirovanie-tsifrovoj-sredyi.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 13.02.2024).

References

1. Transformation of law in the digital era: monograph / edited by A.A. Vasilyeva. Barnaul: Publishing House of Altai University; 2020. 432 p.
2. Gaps in law in the context of digitalization: Sat. scientific. tr. / Under the general editor D.A. Pashentseva, M.V. Zaloilo. Moscow; 2022. 472 p.
3. Baranov P.P. Methodological problems of legal awareness in the era of legal digitalization. *Humanitarian of the South of Russia*. 2020; 9 ((44) 4): 26–41.
4. Sinyukov V.N. Digital law and the problems of the phased transformation of the Russian legal system. *LEX RUSSICA (RUSSIAN LAW)*. 2019; 9 (154): 9–18.
5. Isaev I.A. "Gaps in law" as an element of legal culture. *Gaps in Russian legislation*. 2008; (2).
6. Lazarev V.V. Questions of the origin of gaps have the right. *Selected works: in 3 volumes*. Moscow; 2010. Т. 2.
7. Gaps in law in the context of digitalization: Sat. scientific. tr. / Under the general editor D.A. Pashentseva, M.V. Zaloilo. Moscow; 2022.
8. Truntsevsky Yu.V. Law as a code and precision law in the dating view. *Journal of foreign legislation and comparative law*. 2021; 17 (1): 49–67.
9. Zaloilo M.V. Fragmentation as a modern trend in the development of the legal space. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020; (1): 27–49.
10. The concept of the development of computer-readable law technologies: approved. The Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions (Protocol No. 31 of 15.09.2021). *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (accessed date: 13.02.2024).
11. Ponkin I.V. Concept of machine-readable and machine-executable law: relevance, purpose, place in RegTech, content, ontology and perspectives. *International Journal of Open Information Technologies*. 2020; 8 (9): 59–69.

12. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030". URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102431687> (accessed date: 13.02.2024).
13. Passport of the federal project "Regulatory regulation of the digital environment": approved the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions (Protocol No. 9 of 28.05.2019). URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-normativnoe-regulirovanie-tsifrovoj-sredyi.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (accessed date: 13.02.2024).

Информация об авторах:

Мордовцева Татьяна Васильевна, д-р культурологии, профессор, Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, mtvtaganrog@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0827-6269>

Полякова Евгения Викторовна, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, josik1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2663-0361>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/146-155>

Дата поступления:
15.02.2024

Одобрена после рецензирования:
19.02.2024

Принята к публикации:
22.02.2024